

туфелька была ей впору

В Санкт-Петербурге похоронили Наталью Дудинскую, балерину, имя которой прочно ассоциировалось с эпохой расцвета балета тридцатых-пятидесятых годов. Похоронили рядом с ее мужем, танцовщиком и главным, не по званию даже, а по степени влияния, балетмейстером Кировского балета, Константином Сергеевым. Они были партнерами не только на сцене, но и в жизни. А это, как дуэт Орловой и Александрова в кино, только укрепляло имидж советского балета — такого же прочного, как советская семья или советский строй. В балете Сергеева «Золушка» (1946, Государственная премия) Дудинская танцевала главную партию. Но и в жизни она была отчасти ею, если учесть, что Золушка — не просто образ, а и звание, и статус советской звезды. А статус на то и статус, чтобы его удерживать. Дудинская, воплощавшая в жизнь коллективную мечту о счастье — личном и производственном, — была лауреатом премий, но вряд ли «властительницей дум» своего поколения. Такой, какой была, к примеру, ее коллега по машиинской сцене Татьяна Вечеслова, в танце которой современники искали и находили «тайную свободу» от всего того, что танец Дудинской воплощал и утверждал. Поэтому одной давали премии и звания, другой посвящали стихи поэты-диссиденты. И туфелька, что одной была впору, другой была безнадежно велика.

ОЛЬГА ГЕРДТ